

[Л.1]

Стенограмма записи воспоминаний секретаря Отдела археологии во Львове АН УССР тов. Елены Степановны Бийовской

Беседовал канд. эконом. наук Гак Д.В. Стенографировала Шестопалова.

Я родилась в 1911 г. в городе Залещики Тарнопольской области. Окончила учительскую семинарию в 1930 г. в городе Залещики. При Польше работала воспитательницей детского сада в разных городах Галиции. Во Львове работала с 1933 г. Во время пребывания немцев работала в книжном магазине «Овид», а позже во Львовском Комитете помощи, который был подчинен УЦК. Сейчас работаю в АН УССР во Львове на должности секретаря отдела археологии.

В своих воспоминаниях буду освещать вопрос, связанный с работой Львовского Комитета Помощи и особенно в части организации помощи военнопленным.

С приходом немцев в Галицию женщины организовали Женскую службу Украины. Эта женская организация ставила основной своей задачей организацию помощи нуждающимся и пострадавшим во время войны. Эта женская группа имела свои отделы почти во всех населенных пунктах Галиции и в число своей работы включали также помощь военнопленным.

Провод этой организации находился во Львове. Во главе этой организации стояли, мне кажется, Белякова. В 1941 г. немцы начали акцию – выпускать украинских пленных якобы для того, чтобы они работали дома, это были очень истощенные люди – живые трупы. Они шли с Ярослава, из села Пилкин с Холма. Вид этих людей и страдания, которые приходилось им переносить после освобождения из лагеря, вызвали к жизни активность женского [Л.2] комитета. Все пленные очень болели тифом. Смертность была очень большая и в селах, особенно на Яворовщине, куда была занесена пленными эпидемия. Во Львове от тифа умерла Ольга Ципановская – женщина проф. перемышльской гимназии, и Алексина – учительница.

Во Львове было организовано переходное общежитие, где пленные немного откармливались, а для больных было специально оснащено общежитие, где они могли полежать. Это была очень хорошо спланированная акция. Крестьяне привозили именно пленных потому, что эти истощенные люди не могли двигать ногами. Все украинцы без исключения очень помогали пленным, потому что вид несчастных был очень ужасный. Эту женскую службу перенял УЦК на конец 1941 и превратил в Женскую Секцию, подчиненную комитету. Поскольку эта Женская Секция не имела управленческих прав и самостоятельного существования, то с распространением деятельности¹ УЦК на Львов эта секция была подчинена проводу УЦК как один из его подразделов. Характерно, что немцы не позволили украинцам организовать Красный Крест основываясь на том, что Украина является без-государственной нацией.

Я пришла работать в Комитет в конце августа 1942. Некоторую часть материала я подаю на основании ознакомления с предыдущей деятельностью, а более подробно буду рассказывать о том, что было в мое время.

В УЦК создан отдельный отдел опеки над пленными, так как потребность опеки была так велика, что надо было отделить.

Все документы и карточки лагерей и пленных УЦК вывезло на Запад, а потому я буду говорить на основании воспоминаний о нашей деятельности. Комитет помощи занимался такими лагерями:

[Л.3] 1) Ярослав – Пильники, Львов, Цитадель и Литовище, 3) Дрогобыч, 4) Стрый, 5) Рудки, 6) Перемышль – Пикуловичи, 7) Белая Подлясская, 8) Холм, 9) Любарта (Польша) 10) Ченстохова (Польша), 11) Варшава (Скробив), 12) Познань (Райх), 13) Радом (Польша), 14) Замость (Польша), 15) Славута, Дарница, 17) Нейгамер, 308 (Райх), 18) Гартмандорф (3184 Райх), 19) Кайзерштайнбрух 170 (Вена). Список этот далеко неполный, потому что от немцев нельзя было узнать, сколько и где есть лагерей. Однако во все эти лагеря мы пересылали продукты и имели с ними отношения. Заграницей имели контакт с Финляндией, Румынией, Мадыарщина отказалась принять продукты. Лучшее отношение к пленным было в Финляндии, об этом свидетельствуют письма пленных. Так, напр., они не просили одежды. Само правительство Финляндии просило прислать пленным только сало и муку. Немецкие власти не позволяли нам высылать продукты в Финляндию и мы высылали только деньги. Румыния просила белье. Из Румынии были сообщения, что они очень плохо обходятся с пленными, издеваются над ними, особенно над украинцами. Зная хорошо натуру румын мы не высылали в те лагеря белья, а высылали только деньги, потому что это белье румыны все равно разворовали бы.

К помощи пленным также присоединилась и украинская колония в Париже, которая на наш адрес присылала значительное количество теплого белья, ботинок и одежды.

В 1943 добились мы получили разрешение на высылку 3-х килограммовых пачек с продуктами для пленных.

Общая наша акция не была напрасной, об этом свидетельствуют письма пленных, просто писали нам своей кровью и слезами, это давало нам большое удовлетворение. Если бы нам позволили развернуть эту акцию так, как хотелось бы, то мы спасли бы от голода [Л.4] очень много людей. Мы очень много помогали им. Но надо знать, что нам не позволяли этого делать, потому что это было плановое морение голодом пленных немецкой властью.

О зверствах и массовой гибели пленных говорят факты. В лагере в Ярославле нельзя было пройти, такая была там вонь от трупов. Зимой 1941 и в 1942 году дорога в клозет была устлана трупами, пленные ходили босые и раздетые, только в одних рубашках зимой.

Случалось среди пленных и людоедство, об этом свидетельствовали сами пленные. Более слабые товарищи должны были прятаться по углам, чтобы их не

съели. Наш галицийский профессор рассказывал о людоедстве в одном из лагерей Силезии. Там были в основном киргизы. К утру от живого человека, но слабого, оставались только кости, потому что те, кто сильнее, поедали слабых. Такое положение в лагерях было обусловлено немецкой политикой планового уничтожения военнопленных. Голод создавался искусственно. Для стихийного вымирания славян и вообще людей с Востока. Ярким примером, которое подтверждает данное положение, являются свидетельства д-ра Фурега, проф. университета из Граца (Австрия), который был комендантом Цитадели в г. Львове. Последний в своих разговорах со служащими комитета приводил примеры жизни пленных в Дарницком лагере. О количестве находящихся в лагере мне ничего неизвестно, потому что очень тяжело было узнать об этом, но по рассказу проф. Фурега для этого лагеря существовали специально установленные немецкими властями контрольная цифра умерших человек в сутки. Это была цифра страшная – 3.000 человек в сутки. Однако 3.000 человек в лагере не умирали в сутки, смертность не превышала одной тысячи, а потому немцы, чтобы выполнить норму, по плану достреливали последние [Л.5] две тысячи, чтобы план выполнить.

При допросах пленных били железной палкой, это было ужасно. Им ломали кости. Доктор Фурег рассказывал, что в 1943 году в лагере немного улучшилось положение, но в Кайзерштайнбруси погибало очень много людей, потому что они были очень истощены и когда им дали продукты лучше, они не выдерживали и умирали.

Во Львове существовали больницы для пленных на ул. Потоцкого (монастырь Сестер Василиянок). Там была старшая сестра немка – Рихтер, представляла собой тип проститутки. Она ужасно била больных, морила голодом, замыкала к пинниции (подвал). О деятельности этого уничтожения может дать больше материалов сестра Заболотная, которая ухаживала за больными. Во львовской Цитадели был пересыльный пункт для военнопленных. Попытки нашего комитета подавать туда помощь не увенчались успехом из-за запрета немцев. Лишь в отдельных случаях с разрешения ляйтера (в основном за взятки) мы имели туда доступ, как исключение. Передавали мы преимущественно праздничные пакеты и это в основном делалось по инициативе граждан вне комитета совершенно добровольно.

Когда в 1943 году зимой пришли большие транспорты пленных Цитадели, мы старались получить разрешение доставить продукты в связи с распространением тифа.

Нам не позволяли этого сделать до весны. В то время на Цитадели пленные умирали только потому, что не могли после болезни иметь надлежащую поддержку, то есть достаточно пищи. Когда нам дали разрешение передавать им еду, то сначала мы это делали сами через ворота и не имели никакого контакта с пленными. Наш извозчик рассказывал, что люди все там босые, а это была зима, ходят только в одних рубашках и стоят в очереди за черным кофе. Они [Л.6] часто

падали, потому что не было сил стоять. Немцы этих больных очень били, если кто из них не мог быстро идти.

Немцы практиковали выделения среди пленных надзирателей, которые назывались «анзихтерами», которые очень издевались над пленными, больше, чем сами немцы.

Весной нам удалось получить разрешение передавать в Цитадель три раза в неделю суп и хлеб. Теперь мы получили возможность иметь непосредственный контакт с пленными. Немцы давали нам разрешение распределять продукты только между украинцами, но мы давали всем. При раздаче пищи мы присутствовали и видели, что эти продукты действительно доставались пленным. Часто случались очень трогательные сцены, трудно было смотреть, как благодарили пленные из группы армян за нашу помощь. Нам удавалось передавать им музыкальные инструменты, ноты, книги. Характерно, что пленные не хотели получать газет, потому что газеты враждебные, и просили Кобзаря, Лесю Украинку, Пушкина, но, к сожалению, не все книги доходили до них.

Этот лагерь назывался «Дугал 124».

17-го июня 1944 их вывезли в Замостье.

Пленных использовали на различных работах: для копания противотанковых и противолетных сооружений. Работали от 7 ч. утра до 6 часов вечера. В этом лагере было 600 человек.

Пленные называли нашу помощь и заботу о них одиноким ясным лучом светом в их трехлетних страданиях.

Львов, дня 15. IX.1944. [подпись] (Е. Бийовская)

Пронумерованы 6 листов.

мл. наук. раб. Смалиус – 31.1.1946 г.